

КНЯЗЬ

Василій Ивановичъ
ШУЙСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1906

КНЯЗЬ

Василій Ивановичъ

ШУЙСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1906

Печатаю по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель Графъ С. Шереметевъ.

Князь Василий Иванович Шуйскій.

„Царь Василій возрастомъ малъ, образомъ же величавъ, очи подслѣпны имѣ. Княжскому почитанію доволенъ и въ разсуженіи ума зѣло смысленъ, но скупъ велики и не податливъ, къ единымъ же члѣмъ тщаніе имѣя, которые во уши его ложное на люди шепташу, оны же веселымъ лицомъ снхъ воспріимая и въ сладость ихъ послушати желаше и къ волхвованію придежал“.

Кн. *И. М. Катыревъ-Ростовскій.*

„А Шуйскому не долже довѣрять“...

Пушкинъ.

Для характеристики Князя Василія Ивановича Шуйскаго слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующій эпизодъ въ его жизни. Сосланный въ Вятку, послѣ помилованія, онъ возвращень Розстригою въ Москву и, къ крайнему изумленію, онъ же является въ числѣ приближенныхъ новаго Царя, хотя ни на одинъ день не переставалъ преслѣдовать ту же цѣль, т. е. погибель названнаго Димитрія. Какъ, напримѣръ, объяснить слѣдующее явленіе? Когда приближалось къ Москвѣ шествіе царской невѣсты Марины, „Царь“, говоритъ Масса, „одѣтый въ очень простое платье, въ красной простой шапочкѣ, тайно выѣхалъ изъ дворца, въ сопровожденіи Князя Василія Шуйскаго и одного слуги поляка, ѣхавшихъ верхомъ. Для того, чтобы онъ не былъ узванъ, запрещено было отдавать ему честь. Обѣхавъ войска, онъ успѣлъ во время вернуться въ Москву. Все устроивъ, не будучи никѣмъ ими узванъ, по крайней мѣрѣ немногими, Царь возвратился въ городъ“.

однако“, продолжаетъ Масса, „отправившись верхами посмотрѣть на вѣздъ, хорошо видѣли Царя“¹⁾.

Невольно поражаешься быстрой переменной. Давно ли Князь Василій Ивановичъ Шуйскій заговорщикъ, называя Царя Розстригой, распускаетъ объ этомъ слухи въ народѣ—и, осужденный Соборомъ, владеть голову на плаху? Давно ли ему дарована жизнь и онъ сосланъ въ Вятку? Теперь мы видимъ скромныхъ „всадниковъ“, тайкомъ пробирающихся между войсками, съ цѣлью не быть узанными; и эта тайна, общая между Царемъ (въ красной шапочкѣ) и Княземъ В. И. Шуйскимъ; и пока Князь Василій развѣзжаетъ съ названнымъ Дмитриемъ, въ его головѣ всѣ нити новаго заговора, которымъ онъ отплачиваетъ за великодушное дарованіе ему жизни.

Ясно, что это врагъ не открытый и не благородный. Такую же черту замѣчаемъ въ немъ и послѣ разгрома 1606 г. Кн. В. И. Шуйскій, главный виновникъ кровопролитія и рѣзни Поляковъ, является въ немъ, какъ „предводитель заговорщиковъ“, и старается успокоить ихъ; но ему, конечно, не вѣрять. Поляки отправляютъ къ нему для переговоровъ одного посланнаго. Что же дѣлаетъ Шуйскій съ этимъ посланнымъ Полякомъ?—„Шуйскій, обнявъ и поцѣловавъ его, поклялся, что имъ ничего дурнаго не сдѣлаютъ“²⁾. Хороша клятва, когда рѣзня уже кончилась. Этотъ поцѣлуй Шуйскаго достойно заканчиваетъ рядъ его дѣяній, начиная съ слѣдствія 1591 г. Весь человекъ познается въ этомъ поступкѣ. И понятно всеобщее къ нему презрѣніе своихъ и чужихъ.

Возможно ли допустить, чтобы Князь Василій Ивановичъ не разобралъ, что произошло въ Угличѣ 15 Мая 1591 года? Опытный и изворотливый бояринъ, сумѣвшій удержаться при дворѣ Годунова, несмотря на опалу всѣхъ Шуйскихъ,—мнѣ кажется, обязанъ этимъ не одной своей изворотливости, но и враждебности къ семьѣ Нагихъ и къ Царевичу Дмитрію. Онъ не былъ бы Шуйскимъ, если бы примирился съ мыслию, что этотъ (незаконный)

---

¹⁾ Massa, „Сказ. о Смутн. Врем.“, С.-П.В., 1874, стр. 185.

²⁾ Massa, id.

Димитрій когда нибудь может сдѣлаться Царемъ всея Руси. Весь заговоръ Шуйскихъ 1586 г. не построенъ-ли на томъ, чтобы потомство Царя Θεодора устранило Димитрія и родъ его Нагихъ?.. Князь В. И. Шуйскій преслѣдуетъ „тѣнь“ Димитрія и послѣ событія въ Угличѣ. Онъ является непримиримымъ его врагомъ, распространяя слухи объ его самозванствѣ; онъ же и губить его въ концѣ концовъ и занимаетъ его мѣсто! Годуновы и Нагіе одинаково ему враждебны; но первые уже на престолѣ. Князь Шуйскій могъ быстро сообразить, будучи въ Угличѣ, чего ему держаться, дабы имѣть всегда въ запасѣ камень за пазухой по направленію къ Годуновымъ и ни въ какомъ случаѣ не допускать осуществленія замысла Нагихъ. Дѣйствуя таинмъ образомъ по отношенію къ Нагимъ, онъ увѣренъ въ поддержкѣ Годуновыхъ, а случись бѣда съ Годуновыми, за нимъ, Шуйскимъ, всегда остается послѣднее слово, въ которомъ Годуновы будутъ нуждаться. Князю Шуйскому нужны не Годуновы и не Нагіе. Онъ считаетъ себя старше ихъ и родъ свой болѣе ихъ достойнымъ занять престолъ. Но идти къ этой конечной цѣли онъ можетъ лишь осторожно, играя въ двойную игру, угождая Годуновымъ, преслѣдуя Нагихъ, а при случаѣ и выступая съ рѣшительнымъ голосомъ свидѣтеля по сложному Угличскому дѣлу. Нужно полагать, что Кн. В. И. Шуйскій сразу сообразилъ, что этому дѣлу предстоитъ неизбежно всплыть на погибель Годуновымъ. Не онъ, конечно, будетъ помѣхою этой гибели, но онъ и не допуститъ торжества враговъ Годунова—Нагихъ. Все это должно быть взвѣшено, обдуманно и предусмотрѣнно имъ послѣ Угличскаго слѣдствія. Мы видимъ Князя Шуйскаго въ Москвѣ, когда Годуновъ уже умеръ. Онъ выходитъ къ народу и говоритъ о прошломъ 1591 г. Естественно было отъ него именно ожидать рѣшительнаго слова, хотя почему то онъ никогда не внушалъ довѣрія... Но что же говорить Василій Ивановичъ? Онъ оборачивается въ сторону, враждебную павшему величію, и не щадитъ Годунова. Но изъ этого нельзя вывести, что онъ дѣлается какъ-бы соучастникомъ Нагихъ. Онъ еще рѣзче выражается о томъ, кто съ именемъ Димитрія уже подходитъ къ Москвѣ. Онъ упорно называетъ его Розстригой и обманщикомъ и тѣмъ готовитъ себѣ для будущаго лазейку. Онъ не думаетъ за-

щищать семью Годуновыхъ, когда онъ могъ выступить ея защитникомъ. Онъ, конечно, ненавидитъ, какъ и всѣ, Царицу Марію Григорьевну, и кто знаетъ, гдѣ былъ настоящій вдохновитель расправы съ нею? Весь расчетъ его въ томъ, чтобы въ будущемъ сыграть (если настоящее не возможно) на обвиненіи Розстриги въ звѣрствѣ и въ развратѣ...

Эти доводы имъ особенно подчеркиваются послѣ переворота 1606 г. При возможной реакціи и если не полномъ возвратѣ къ Годуновымъ, то болѣе сочувственномъ къ нимъ отношеніи, ему удобно указать на расправу побѣдителя и обвинить его въ звѣрствѣ.

Сравнимъ роль Шуйскаго съ Бѣльскимъ. Послѣдній ясенъ, опредѣлителенъ и въ рѣшительную минуту слово его беретъ верхъ надъ Шуйскимъ. Но Князь Василій Ивановичъ, съ душою мелкою и съ побужденіями низменными, годенъ лишь на увертки, на интриги, на заговоры. Лукавый бояринъ, съ того дня, какъ достигаетъ завѣтной своей цѣли и дѣлается Царемъ, — сразу теряетъ свой прежній смыслъ хранителя Угличской тайны. Теперь онъ Царь и ему нужно дѣйствовать открыто. Но тутъ то безсиліе его въ дѣлѣ правительственномъ становится очевиднымъ!

Какъ-бы то ни было, но во всемъ Угличскомъ дѣлѣ упорно держится слухъ о грозящихъ до того Царевичу опасностяхъ. Слухи о неудавшейся отравѣ ¹⁾, о попыткахъ послыки довѣренныхъ лицъ для ускоренія его смерти — упорны, и во всѣхъ этихъ попыткахъ всѣ винятъ Годунова. Сохранилось свѣдѣніе, будто въ семьѣ Годуновыхъ по этому поводу произошла размолвка и что Григорій Ивановичъ Годуновъ будто удаленъ отъ двора и былъ въ опалѣ за самостоятельный образъ дѣйствій. Мы уже указали на то, что Князь Шуйскій какъ-бы отсталъ отъ другихъ Шуйскихъ и нашелъ болѣе выгоднымъ держаться Годунова. Онъ былъ тогда уже вдовъ, но братъ его Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Григорьевнѣ Скуратовой. Она родная сестра Марьѣ Григорьевнѣ Годуновой — обѣ дочери Малюты. Въ этомъ домашнемъ кругу дочерей Малюты, конечно, составлявшихъ одно цѣлое, ближайшимъ муж-

¹⁾ Fletcher.

скихъ элементомъ, имѣвшимъ между собою частое общеніе, были свояки: Б. Ѳ. Годуновъ и князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, а также и князь Василій Ивановичъ, безъ котораго братъ Дмитрій былъ ничто. Намъ извѣстны нравственныя качества князя Василія Ивановича, на что онъ былъ способенъ, до какихъ предѣловъ доходили его притворство и его лукавство.

Ненавидя одинаково Годуновыхъ и Нагихъ, ибо нието, по мнѣнію его, не достоинъ былъ престола, кромѣ Шуйскихъ, потомковъ Суздальскихъ князей Рюрикава рода, — конечная цѣль была ясна въ его головѣ. Ему нужно всячески, но осторожно, стремиться къ уничтоженію, какъ Годуновыхъ, такъ и Нагихъ. Для В. И. Шуйскаго весь вопросъ въ томъ, какъ достигнуть этихъ двухъ цѣлей безъ ущерба своему положенію, какъ, уничтоживъ враговъ, воспользоваться этимъ результатомъ для себя лично. Шуйскій, конечно, долженъ былъ воспользоваться упорною враждою Годуновыхъ и Нагихъ и на этой враждѣ построить всю свою сложную игру. Но такъ какъ ни въ одномъ темномъ дѣлѣ не обходится безъ участія женщины, то мы не видимъ, почему Угличское дѣло должно составлять въ этомъ исключеніе?

Въ ближайшемъ къ В. И. Шуйскому кружѣ были двѣ женщины, причившія себя еще подъ родительскимъ кровомъ ко всякимъ ужасамъ. Дѣтство и равняя молодость ихъ протекли въ домѣ Г. А. Малюты Скуратова-Бѣльскаго. Таковъ былъ до замужества ихъ домашній семейный очагъ. Затѣмъ обѣ сестры выходятъ замужъ. Одна за родовитаго, но ничтожнаго князя Д. И. Шуйскаго, другая за Б. Ѳ. Годунова. Мы знаемъ, что въ сестрахъ не было недостатка въ честолюбіи. Объ этомъ много свидѣтельствъ. Характеръ ихъ достаточно обрисовывается отзывами вашихъ и иностранныхъ современниковъ. Обѣ эти женщины принадлежать къ числу лицъ, не останавливающихся предъ средствами для достиженія своихъ цѣлей. Ничтожество Дмитрія Ивановича и усиленная забота и занятія Бориса Годунова должны служить помѣхою двумъ сестрамъ, преисполненнымъ честолюбивыхъ замысловъ. Такое внутреннее душевное состояніе двухъ сестеръ не должно бы усвоить отъ столь тонкаго наблюдателя и опытнаго царедворца, какимъ былъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Сближеніе его съ

ними напрашивается само собою. Вѣдь этимъ свойствамъ онъ обязанъ, что удержался при дворѣ Царя Θεодора и не раздѣлилъ участи своего рода — Шуйскихъ, которые томились въ изгнаніи. Совѣсть Василя Ивановича съ этимъ вполне примирялась. Здѣсь необходимо отдѣлить стремленія Б. Годунова отъ стремленій его жены. Но для В. И. эта двойственность опять-таки на руку, и изъ нея, какъ изъ всего, онъ долженъ былъ извлечь себѣ личную пользу.

В. И. Шуйскому нужно избавиться отъ Годуновыхъ и отъ Нагихъ. Но, очевидно, нельзя сдѣлать этого разомъ. При твердости положенія Годуновыхъ, очевидно также, что нужно начать съ болѣе слабой стороны, т. е. помышлять о гибели Нагихъ въ лицѣ Царевича Димитрія, но, въ виду вражды ихъ къ Годуновымъ, можно гибелью Нагихъ набросить тѣнь на Годуновыхъ и тѣмъ подготовить въ будущемъ гибель „Изряднаго Правителя“. Все дурное, что можетъ быть сдѣлано Нагимъ, очевидно, должно пасть на голову Годунова. Такая двойная игра, мнѣ кажется, въ характерѣ В. И. Шуйскаго, а до чего онъ не додумается, то могутъ дополнить ему сестры Скуратовы, а мы знаемъ, что Марья Григорьевна ненавидитъ Царевича Димитрія и мать его — Царицу Нагую.

Единое почти свидѣтельство всѣхъ источниковъ русскихъ и иностранныхъ, признающихъ ли убійство Царевича, или нѣтъ, — сходится въ томъ, что Царевичу въ Угличѣ грозила опасность. Фактъ опасности, грозящей Царевичу, могъ быть на лицѣ, безъ непремѣннаго сообщничества Бориса Годунова. Но Борисъ Θεодоровичъ невольно приходитъ въ голову, какъ лицо, какъ бы всѣхъ болѣе въ этомъ заинтересованное. Лично не раздѣляемъ этого взгляда и полагаемъ, что, при беременности Царицы, Годунову не нуженъ былъ Царевичъ Димитрій и жизнь его была ему вовсе не необходима. Полагаемъ, что такое отношеніе къ дѣлу Годунова нисколько не умаляетъ возможности дѣйствительно грозящей Царевичу опасности. Во-первыхъ потому, что Годуновъ и его жена не составляютъ вполне одно цѣлое, а затѣмъ и по близости сестеръ Скуратовыхъ къ Шуйскому.

Съ другой стороны, если бы дѣйствительно Царевичу не угро-

жало никакой опасности, вряд ли бы Нагие рѣшились на такой сложный и смѣлый шагъ, какъ на расправу съ правительственными агентами и на измѣнническое дѣло 15 Мая! Но изъ этого также не слѣдуетъ, что опасность грозила Царевичу именно 15 Мая 1591 г., а не раньше. Вся суть въ томъ, что мы ищемъ эту опасность со стороны Годунова, но доказать ее не можемъ и забываемъ тайнаго врага, какъ Годуновыхъ, такъ и Нагихъ—Князя В. И. Шуйскаго, какъ забываемъ двухъ дочерей Малюты. Князь Василий Ивановичъ могъ искусно воспользоваться настроеніемъ сестеръ, оставаясь съ благоразумною осторожностью въ сторонѣ отъ этого дѣла и настолько въ сторонѣ, что, когда событіе совершилось, имя его могло послужить вывѣскою, весьма удобно для упроченія мнѣнія о безпристрастїи слѣдователя. Но князь В. И. Шуйскій, прикосновенный къ Угличскому дѣлу, какъ слѣдователь, прїобрѣтаетъ выгодное положеніе, вдвойнѣ ему удобное, ибо оно ставитъ его въ соприкосновеніе съ Годуновыми и Нагими и притомъ такимъ образомъ, что оба эти рода, силою обстоятельствъ, должны уже съ нимъ считаться, а въ критическую минуту (которую можно было ожидать при таинственности событія) Князь Василий Ивановичъ Шуйскій могъ сдѣлаться опаснымъ, какъ хранитель Угличской тайны,—какъ для Годуновыхъ, такъ и для Нагихъ.

Допустивъ такого рода политику Шуйскаго, вполне согласную съ его личными свойствами, мы можемъ прослѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями его по отношенію къ своимъ врагамъ, по мѣрѣ паденія, или возвышенія одного изъ нихъ.

Его послѣдовательная вражда къ Царевичу проявляется въ ту минуту, когда, послѣ кончины Годунова, все повидимому къ тѣни Дмитрія переходитъ: Шуйскій и тогда настойчиво продолжаетъ называть его обманщикомъ!

Его вражда къ Годуновымъ проявляется тѣмъ, что онъ несколько не хлопочетъ о поддержкѣ Бориса Феодоровича, а напротивъ того, наводитъ на него тѣнь и болѣе чѣмъ подозрѣніе относительно участія его въ Угличскомъ дѣлѣ. Но слова Шуйскаго остаются бессильными относительно Розстриги, когда онъ идетъ къ Москвѣ. Ясно, что послѣдняго уже ничто оставовить не можетъ на этомъ пути. Теперь, конечно, все вниманіе Шуйскаго

должно быть сосредоточено на этомъ опасномъ врагѣ. Годуновы уже безсильны. Шуйскому необходимо теперь стремиться къ гибели новаго Царя. Приказаніе этого новаго Царя взять подѣ стражу семью Годуновыхъ, само по себѣ, въ порядкѣ вещей. Разъ, они не признали его, они его соперники и, какъ таковыя, должны быть взяты подѣ стражу.

Что же далѣе? Далѣе является убійство Годуновыхъ Коломенцемъ Андреемъ Шерефединовымъ съ товарищи. Немедленно этотъ Шерефединовъ заподозрѣвается въ томъ же, въ чемъ вѣ-когда подозрѣвали убійцъ Царевича. Тамъ подумали о Годуновѣ, какъ о подстрекателѣ, здѣсь о новомъ царѣ, какъ о мстителѣ Годуновымъ. Казалось бы и правдоподобно. Но названный Димитрій, по характеру своему, скорѣе склоненъ былъ щеголять великодушіемъ. Во всякомъ случаѣ по отношенію къ Θεодору Борисовичу Годунову расправа не понятна ¹⁾, разъ, что Розстрига зналъ черезъ Пупкина и Плещеева о колебаніяхъ его, а Смитъ даже указываетъ на желаніе Θεодора принести ему повинную ²⁾.

Но выгодно ли Шуйскому дать Димитрію на первыхъ же порахъ разыграть блистательную роль великодушнаго побѣдителя? Не только необходимо этому помѣшать, но и одновременно навести подозрѣніе на новаго Царя. И цѣль эта достигнута и послужила ему на пользу, когда настало къ тому время.

Не жалѣтъ же Шуйскому Годуновыхъ, когда дѣло идетъ о гибели Димитрія и о подготовленіи пути ему же, Шуйскому, для занятія престола. И Годуновы погибаютъ отъ руки Шерефединова, будто бы подосланнаго Розстригою.

Но для порученія подобнаго рода не можетъ быть избранъ человекъ случайный и темный. Въ такомъ дѣлѣ Розстригу могъ замѣнить только человекъ ему близкій, надежный, который бы не выдалъ его тайны. Во всякомъ случаѣ не расчетъ былъ названному Димитрію отерты въ этомъ признаваться. То ли мы видимъ въ Шерефединовѣ? Проходить нѣсколько недѣль и мы узнаемъ

---

¹⁾ Тотъ же приемъ относительно Патріарха Іова. Кто его свергъ и сослалъ въ Старицу? Розстрига: прямой расчетъ съ нимъ встрѣтиться, но Шуйскому, тогда еще хозяйничавшему въ Москвѣ, расчетъ былъ обратный.

²⁾ Smith.

того же Шерофединова въ числѣ агентовъ Шуйскаго ¹⁾, ибо только такой агентъ и могъ помышлять объ убійствѣ того новаго Царя, который будто бы поручилъ ему, незадолго передъ тѣмъ, истребленіе Годуновыхъ. Появленіе Шерофединова агентомъ Шуйскаго развѣ не подозрительно? Впрочемъ, онъ связанъ съ Шуйскимъ еще со временъ Царя Феодора... Совершивъ переворотъ, Шуйскій уже не стѣсняется. Онъ не ожидаетъ голоса всей страны, не созываетъ Собора, подобно Годунову. Онъ вступаетъ на престолъ „выкрикнутый“, по мѣткому выраженію Соловьева, и успокаивается въ пріятномъ сознаніи успѣха и торжества.

Теперь уже нѣтъ никому дѣла до Угличской тайны. Теперь цѣль достигнута; Годуновы погибли, не удостоясь даже приличнаго погребенія; названный Димитрій погибъ также, и прахъ Розстриги разлетѣлся на воздухъ. Цѣль жизни Василия Ивановича достигнута. „И сѣде царствовать кн. Василей Шуйской безъ избранія земскаго“ ²⁾.

Для человѣка, подобнаго Шуйскому, не теперь ли именно настаетъ время надѣть новую личину и прикинуться плачущимъ по этимъ двумъ жертвамъ, по Царевичѣ, убитомъ въ Угличѣ, и по Царѣ Борисѣ Годуновѣ? И Шуйскій одновременно готовитъ имъ два апопееоза. Оно и картинно и благонамѣренно.

Царевича съ торжествомъ привозятъ въ Архангельскій Соборъ. Годунова торжественно, „по царски“ хоронятъ въ Троицкой Лаврѣ; и Шуйскій идетъ за гробомъ того и другого. Развѣ это не проявленіе того же движенія, которое заставило Шуйскаго обнять Полява и тѣмъ наградить его, увѣряя въ его помощи, когда въ тотъ же день и тѣмъ же Шуйскимъ устроена Польская рѣзня въ Москвѣ?

Но наступило и для „дукса“ Василия время расчета. Царь, всѣми презираемый, своими и чужими, хотя Поляками наружно и чтимый, чувствуетъ, что престолъ его шатается. Старый вдовецъ ищетъ себѣ опоры въ бракѣ съ княжной Буйносовой-Ростовской (1608 г.).

---

¹⁾ Масса. Сказанія о смутномъ времени. Спб. 1874 г.

²⁾ Псковская Лѣт., с. 215.

„Яко же звѣрь гонимый, хапля обоюду, невѣдая того, какъ онъ „не согрѣшихъ“ смертну суду предаваше... Ему (Шуйскому) креста подобаеть не цѣловати, но безъ крови отказати“.

(Эти слова изложены въ окончательной редакціи А. Палицына) ¹⁾.

Окруженный врагами внутренними и вѣшными, онъ имѣеть одну опору въ лицѣ Князя Михаила Скопина, котораго если нельзя подозрѣвать въ близости и въ повлоченіи Царю Василию, то нѣтъ основаній подозрѣвать и въ возвѣхъ противъ него. Любимецъ войска, доблестный воевода понималъ, что, поддерживая Шуйскаго, онъ могъ готовить себѣ законное послѣ него наслѣдство. Какъ же относятся къ нему братья Шуйскіе?

Когда Скопинъ вступаетъ торжественно побѣдителемъ въ Москву, Князь Дмитрій Шуйскій съ завистью глядитъ на это торжество и говоритъ: „Вотъ идетъ мой соперникъ“ (onderdrucker) ²⁾. Это слышали многіе. Но если такъ думалъ ничтожный князь Д. Шуйскій, то могла ли думать иначе жена его Евкатерина Григорьевна Скуратова? Она озлоблена неудачами, погибелью сестры. Ей ли признавать въ великомъ Мечникѣ убитаго Царя будущаго Русскаго Государя, помимо ея и ея мужа!

Выдающееся событіе царствованія названнаго Дмитрія — это свиданіе его съ матерью, царицею Марьею Феодоровною Нагихъ. Упорное молчаніе ея въ царствованіе Годунова, затѣмъ свидѣтельство во время ночного свиданія съ послѣднимъ ³⁾, будто Дмитрій живъ, придавало особое значеніе этому знаменательному разговору. Новый Царь понималъ всю важность ея пріѣзда для укрѣпленія своего личнаго положенія.

Кто бы онъ ни былъ, но этотъ шагъ съ его стороны былъ въ высшей степени смѣлый и разумный. Самое порученіе ѣхать за царицей съ словеснымъ объясненіемъ желанія царя, съ разсказами о недавнихъ событіяхъ въ Москвѣ, освѣщающихъ ей все положеніе, было дѣломъ серьезнымъ, и только лицо, облеченное

¹⁾ А. Палицынъ. Русск. Историч. Библіотека т. XIII. Сказанія.

²⁾ Германъ, стр. 313.

³⁾ Она сказала, что сынъ ея еще живъ, что его тайно, безъ ея вѣдома, увезли изъ страны, о чемъ она въ послѣдствіи увала отъ людей, которыхъ уже вѣтъ въ живыхъ (Масса, стр. 134).

полнымъ довѣріемъ новаго царя, могло взять на себя выполненіе этого въ высшей степени существеннаго и почетнаго порученія.

Это дѣло первой государственной важности поручено вновь назначенному „Великому Мечнику“, Князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому. Собственно говоря, съ этого назначенія начинается политическая дѣятельность Скопина, и если выборъ Царя палъ на такого именно человѣка, то онъ говоритъ въ пользу Розстриги, ибо лучшаго выбора онъ сдѣлать не могъ.

Во время заговора и убійства 1606 года о Скопинѣ не слышно, и врядъ ли онъ въ Москвѣ. В. И. Шуйскому былъ прямой расчетъ удалить Скопина на время изъ Москвы, для выполненія своего заговора, какъ удаленъ былъ Богданъ Бѣльскій и другіе.

Названный Дмитрій, Басмановъ и Скопинъ-Шуйскій должны были оцѣнить другъ друга, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія боевой. Всѣ трое владѣли даромъ повелѣвать и, конечно, имѣли сильное обаятельное вліяніе на войска. Это удѣлъ дѣйствительно боевыхъ полководцевъ. Свидѣтельства Лѣтописцевъ не отказываютъ въ этомъ ни Розстригѣ, ни Басманову, ни Скопину.

Костомаровъ, остававляясь передъ фактомъ гибели Татищева, недоумѣваетъ: „Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина“, говоритъ онъ, — „представляется чѣмъ то страннымъ, набрасывается какъ бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но, по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, всетаки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка“ ¹⁾.

Сдается, однако, что расправа съ Татищевымъ, виновникомъ смерти Басманова, характеризуетъ Скопина. Онъ не могъ не негодовать, что человѣкъ, подобный доблестному Басманову, убитъ измѣннически и безоружный. „Татищевъ, знатный господинъ, отвѣчаетъ Басманову съ ругательствами, и тутъ же „схватилъ свой длинный ножъ, который русскіе имѣютъ обычай носить подъ длиннымъ платьемъ, вонзилъ его ему въ сердце, такъ что онъ сразу упалъ и умеръ“ ²⁾.

¹⁾ Костомаровъ. Историч. Монографіи, кн. 13, стр. 358—359.

²⁾ *Визовъ. Chr. c. IV, p. 47.*

Басмановъ такой же витязь, какъ и Скопинъ. Расправа съ главнымъ заговорщикомъ 1606 года становится „объяснимою“, если взглянуть на дѣло съ этой стороны. Но Татищевъ — лицо, казалось бы, сочувственное князю В. И. Шуйскому. Вѣдь ему же опъ обязавъ своимъ вѣнцомъ, онъ главный сподвижникъ его въ ночь на 17 Мая. Онъ устранилъ опаснѣйшаго его врага, Петра Басманова. И тѣмъ не менѣе Татищевъ неудобенъ Шуйскому, да и болѣе не нуженъ ему. Удаленіе его Царемъ Василиемъ ¹⁾ вполне соответствуетъ характеру послѣдняго. Татищевъ ему не только не нуженъ, онъ даже ему мѣшаетъ. Для Скопина же могло быть дѣломъ чести заступиться за своего бывшего товарища при несчастномъ Царѣ, прозванномъ „Розстригою“. Но могла ли такая расправа съ Татищевымъ быть желанной В. И. Шуйскому? Думается, что нѣтъ. Это даетъ намъ поводъ предположить, что В. И. Шуйскій дѣйствительно не смотритъ на Скопина, какъ на человѣка ему вполне преданнаго, хотя для него и необходимаго. Загадочная смерть Скопина доселѣ не выяснена.

Послѣ названнаго Дмитрія только Скопинъ-Шуйскій могъ объединить Русскія силы и приблизиться къ праздному престолу, опираясь на сочувствіе войска и народа, всегда увлекаемаго подобными личностями. Но бракъ вдовца на княжнѣ Буйносовой-Ростовской доказываетъ, однако, что онъ еще заботился о своихъ собственныхъ потомкахъ.

Законнымъ, повидимому, наслѣдникомъ послѣдняго потомка правящей вѣтви династии Рюрика былъ Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій... Всѣ взоры на него уже устремлены и онъ то загадочно погибаетъ „на крестинномъ пиру у кн. Ивана Михайловича Воротынскаго, егда крестя сына своего Князя Алексѣя .. отъ кн. Екатерины въ винѣ на перепиваньѣ... потомъ пустился руда изъ носа и изо рта“... Молва недовѣрчиво относится къ Шуйскимъ, которымъ безъ него не сдобровать.

Внутренніе слова, такъ называемой, рукописи Филарета по поводу этого событія ²⁾): „осудить праведниѣ, умирая, живыхъ не-

---

¹⁾ Лѣтопись Историко-Род. Общ., вып. I, стр. 5.

²⁾ Рув. Филарета, стр. 288. Сб. Муханова.

честивыхъ“ Онъ † 23 Апр. 1610 года 23 лѣтъ. Если бы живъ былъ тогда Годуновъ, то его, вѣроятно, почли бы виновникомъ въ гибели Скопина. Такова ужъ его доля быть мнимымъ виновникомъ многихъ смертей... Не даромъ же молва указывала на Никифора Чепчугова, какъ на мнимаго исполнителя воли Годунова въ задуманной гибели Угличскаго Царевича; а между тѣмъ этотъ самый Чепчуговъ уже раскрылся нынѣ, подобно Шереметову, какъ клеветъ и сторонникъ того же В. И. Шуйскаго... ¹⁾ Князь же Михаилъ Скопинъ не былъ единомышленникомъ Царя Василья, хотя и служилъ ему безъ обмана. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что мать Скопина была княжна Анна Петровна Татеева, дочь князя Петра Ивановича Татеева ²⁾, вся семья котораго была явно на сторонѣ Розстриги, а двоюродный дядя Скопина—князь Иванъ Андреевичъ Татеевъ—спасъ даже жизнь Розстригѣ подъ Добрыничами. Такимъ образомъ назначеніе Скопина „Великимъ Мечникомъ“ и довѣріе къ нему Розстриги вполне понятно. Все это не приближаетъ къ нему Шуйскихъ, которымъ онъ однако нуженъ. Въ то-же время они его опасаются и ему завидуютъ. Онъ имъ помѣха, а съ помѣхами въ то время умѣли справляться. Не даромъ же упорная народная обвинительная молва указываетъ на княгиню Шуйскую.

Было время, еще столь недавнее, когда побѣдоносное войско Михаила Скопина подходило къ Москвѣ съ сѣвера, а въ то-же самое время южная рать, подъ начальствомъ Ѳ. И. Шереметева, приближаясь къ Москвѣ съ юго-востока... Но картина быстро измѣняется: Скопина уже нѣтъ въ живыхъ, а войско Шереметева оставалывается, подъ предлогомъ испытанныхъ неудачъ... Тогда настала для Шуйскаго часъ расплаты. Зашатался престолъ его и совершился новый переворотъ, но на этотъ разъ не трагическій, а соответствующій характеру „выкрикнутаго“ Царя. Ворвался къ нему въ хоромы буйный и исполинской силы Рязанецъ Захарій Ляпуновъ съ товарищи и потребовалъ сверженія. (Ляпуновы

---

¹⁾ Кн. Лобановъ-Ростовскій. Родословная книга. Князя Татеевы.

²⁾ Князь Борисъ Ивановичъ Татеевъ, родной дядя Скопина. Его дочь Марія первая жена кн. Д. Т. Трубецкаго, а другая дочь Прасковія жена кн. Алексѣя Ивановича Воротынскаго (Руммель).

„клиенты“ кн. В. В. Голицына). Шуйскій сопротивленія не оказаль и, склонивши голову, далъ себя постричь въ монахи. За то Поляни стали носиться съ нимъ, какъ съ „трофеемъ“, годнымъ для той „декораціи“, которая имъ нужна была въ Варшавѣ.

„...Мы отъ сего въ досадѣ и кручинѣ великой и опасались, чтобы съ ними не случилось чего худаго...

...Находящихся въ рукахъ вашихъ вязыей Шуйскихъ, братьевъ вашихъ, какъ людей достойныхъ, вы должны охранять“ — писалъ Жолтѣвскій Мстиславскому, ходатайствуя о Шуйскихъ ¹⁾.

Изъ продолжительнаго плѣна въ Польшѣ вернулся живымъ лишь князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій, по прозванію „Пуговка“ ²⁾, женатый на дочери боярина Василя Петровича Морозова, а слѣдовательно своякъ князю Ивану Борисовичу Черкасскому. Не потому ли въ царствованіе Царя Михаила онъ тихо и прочно проживаетъ въ Москвѣ, при новомъ дворѣ, по возвращеніи Патріарха Филарета. Послѣдній въ родѣ, онъ скончался въ 1638 г. ³⁾, оставивъ духовное завѣщаніе, до нынѣ сохранившееся, заключающее въ себѣ любопытныя распоряженія: между прочимъ, онъ отдаетъ своимъ племянницамъ, или вѣрнѣе племянницамъ жены (Морозовой), бывшее помѣстье князя Михаила Васильевича Свопина-Шуйскаго, сельцо Новосильцово (оно же и Троицкое) на Клязьмѣ. Путемъ этихъ племянницъ, перехода по наслѣдству къ князьямъ Пронскимъ, а отъ нихъ къ князьямъ Одоевскимъ и Черкасскимъ, помѣстья эти, называемыя въ 18-мъ вѣкѣ „Кляземскія вотчины“, перешли къ Шереметевымъ, какъ приданое вянжи Варвары Алексѣевны Черкасской въ 1742 г.

Точно также перешло къ нимъ по наслѣдству и бывшее село Иваново (г. Иваново Вознесенскѣ), Шуйскаго уѣзда, съ обширнымъ архивомъ старыхъ дѣлъ...

Послѣдній изъ Шуйскихъ не нашель себѣ мѣста упокоенія тамъ, гдѣ погребены его родичи, въ древнемъ Суздальѣ. Могила его въ Новгородскомъ Тихвинскомъ монастырѣ и, къ сожалѣнію, нынѣ слѣды ея не найдены. „Мѣсто гроба неизвѣстно: вѣроятно, въ то

¹⁾ Сборникъ Муханова № 108, стр. 181.

²⁾ Германъ, стр. 218. Сравни. Дух. Зав. вв. И. И. Шуйскаго.

³⁾ Долгорукихъ Род., ч. I, стр. 235. Рук. дом. арх.

время, когда были въ соборѣ передѣлки и устраивались вновь придѣлы, надписи на плитахъ были стерты и часть плитъ по встрѣтившейся нуждѣ (!) были сняты“¹⁾. Погребенъ онъ былъ неподалеку отъ своего племянника, князя Семена Прозоровскаго, доблестнаго защитника Тихвинской обители, надгробіе котораго вполне сохранилось и доселѣ.

Князь Семень Васильевичъ Прозоровскій упоминается въ духовномъ завѣщаніи кн. Ив. Ив. Шуйскаго. Это человѣкъ ему близкій, сынъ его сестры княгини Аграфены Ивановны... Дочь ихъ, княжна Евдокія Семеновна Прозоровская — жена кн. Якова Куденетовича Черкаскаго — погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ²⁾. Она приходится внучкой кн. Ивану Ивановичу. На могилѣ кн. С. В. Прозоровскаго слѣдующая надпись: „Лѣта 7168 (1660), Сентября въ 14 день, на праздникъ Воздвиженія честнаго и Животворящаго Креста, преставился рабъ Божій Боларинъ Князь Семень Васильевичъ Прозоровскій, во иноцѣхъ схимонахъ Сергій“³⁾.

* * *

Воцареніе Романовыхъ привело къ постепенному умиротворенію страны и къ послѣдовательному ослабленію различныхъ соперничествъ. Годуновы, Нагіе, Шуйскіе смирились поневолѣ и постепенно сглаживались. Всего болѣе оказывалось вниманія послѣднимъ, что было весьма разумно, къ тому же, въ виду прекращенія рода, и не затруднительно. Исчезновеніе Годуновыхъ и Нагихъ—этихъ давнихъ ожесточенныхъ соперниковъ—прошло почти незамѣченнымъ.

Но смерть послѣдняго князя Шуйскаго была событіемъ, отразившимся особенно сильно на родственныхъ и близкихъ ему семьяхъ. Отверывалось значительное наслѣдство, угасалъ старѣйшій родъ послѣ Московской царской линіи, — родъ, изстари соперничавшій съ Великими Князьями Московскими.

---

¹⁾ Описание Тихвинскаго б. м., пр. 99, стр. 28.

²⁾ Оп. Знаменской церкви.

³⁾ Оп. Тихвин. монастыря.

Въ бурной судьбѣ князей Василя и Димитрія Шуйскихъ какъ бы въ сторонѣ стоитъ князь Иванъ Ивановичъ, хотя и сопровождаетъ ихъ въ Польскій плѣнъ.

Духовное Завѣщаніе Кн. Ивана Ивановича Шуйскаго.

„Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Се азъ, рабъ Божій, князь Иванъ Шуйской, пишу сію духовную своимъ целымъ умомъ и разумомъ, а бью челомъ и приказываю душу свою строгити и поминать, и кому что отдати: Боярину, князю Ивану Черкасскому, да племянникомъ своимъ, окольникему, князю Семену Васильевичу, да князю Матвѣю Васильевичу Прозоровскимъ, да князю Михайлу Петровичу Пронскому. И какъ Богъ по душу мою сошлетъ и прикащикамъ моимъ пожаловать тѣло мое погребсти въ Суздаль, въ соборной церквѣ у Рождества Пречистые Богородицы, подлѣ брата моего, князя Александра Ивановича, поверхъ гробу впагини Горбатые. А что моево моленія: образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, резью, съ каменьемъ и съ жемчюги; да образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, въ серебряномъ кіотѣ, обложена золотомъ, въ чеканъ, венець, и каруна и цата золотые, съ каменьемъ, съ жемчюги, и тѣ оба образа поставити со всемъ прикладомъ въ Суздаде, въ соборной церкви, у Рождества Пречистые Богородицы, на налое, предъ архіепискуплимъ мѣстомъ, а надъ гробомъ моимъ поставити образъ Пречистые Богородицы Умиленіе, обложенъ серебромъ; да образъ Чюдотворца Олексѣя, обложенъ серебромъ, въ чеканъ. Да прикащикомъ же моимъ велеть раздать по мнѣ сорокоусть, на шесть недѣль, на четыредесять храмовъ, по три рубли на храмъ. А какъ тѣло мое погребуть, и имъ дати по мнѣ другой сорокоусть въ Суздадѣ, на четыредесять храмовъ, по три рубли на храмъ. Да по мнѣ жъ раздать въ годъ сорокоуста на четыредесять храмовъ, по десяти рублевъ на храмъ; а давать денги къ тѣмъ церквамъ на сорокоусть, гдѣ бывають службы вседневные. Да прикащикомъ же раздать по мнѣ въ Суздадѣ, по мелкимъ монастырямъ, въ которые

монастыри по мнѣ вотчины не отказаны, по пятидесяти рублевъ въ монастырь, или смотря по денгамъ, что останетца. Да что дано мнѣ Государева Царева и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи и отца ево, Государева, Блаженные памяти, Великаго Государя, Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи жалованье, въ Нижегородскомъ уѣзде, волость Бѣлогородцкая, после царицы иноки Елены, и въ той волости волень Богъ да Государь. А боярина князя Ивана Борисовича (Черкаскаго) благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, да ему жъ челомъ бью старинную свою вотчину, въ Суздальскомъ уѣзде, село Парское, съ деревнями, да саблю Турскую Ширинской доль (такъ), оправа серебряная, позолочена по червчетому бархату, и ему пожаловать тѣмъ владеть и душу мою поминать, и у Государя обо мнѣ милости просить и бити челомъ, чтобы Государь пожаловалъ, велелъ по сей моей духовной душу мою грѣшную устроить и родителей моихъ и меня въ забвенье и безъ памятныхъ не учинить. Да княгиню Евдокью Васильевну (Морозову) благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ, да челомъ бью перстень золотъ, съ лазоревымъ яхонтомъ. Да князя Якова Куденетовича благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ. Да въ Суздальскомъ уѣзде, вотчина моя, село Иванова, а Кохма тожъ, дать по мнѣ въ Суздаль, въ соборъ въ Рождеству Пречистой Богородицы, въ домъ архіепискупу, въ вѣшной поминокъ по мнѣ и по родителей моихъ, и будетъ Государь не пожалуетъ, не велитъ дати тое вотчины архіепискупу, а велитъ дать на выкупъ, и тое вотчину выкупить князю Якову Куденетовичю, а денги за неѣ дати съ четвертей, по Государеву Уложенію, въ соборъ въ Пречистой Богородице, архіепискупу. Да старицу Елену Микифоровну Морозову (теща его) благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ. Да сына ее, боярина Ивана Васильевича (Морозова) благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ. Да жену ево, Стефаниду Семеновну, благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ. Да детей ихъ: сына Михайла Ивановича, да дочь Оксинью Ивановну (Морозовыхъ) благословляю по образу окладному. Да что образъ Знаменіе Пречистые Богородицы не великъ, въ кіотѣ золо-

томъ, обложенъ золотомъ, въ чеканъ, моленіе жены моей, княгини Марѣи (Морозовой), и тѣмъ образомъ благословляю сестру ее, старицу Феодосію Морозову. Да боярина, князя Олексѣя Михайловича Лвова благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, да ему жъ челомъ бью ор҃гамавъ серъ, во всемъ порядѣ, съ седломъ и съ уздою, и съ чепьми грѣмячими, а седло озямское (sic), которое съ нимъ было въ посол(ьствѣ), а узда боярина, князя Борисовская Михайловича Лыкова, и 3 Наузомъ (sic) болшимъ. Да околничева Василия Ивановича Стрешнева благословляю образъ Спасовъ обложенъ серебромъ, да челомъ бью вотчину, въ Суздальскомъ уѣзде, село Семенково, а ему пожаловать дать за неѣ денги съ четвертей по Уложенью, в Суздаль, въ Рождеству Пречистой Богородице, архіепискупу, и пожаловати бити челомъ Государю, чтобы Государь пожаловалъ, велель, по моей духовной, душу мою грешную устроить и родителей моихъ и меня ему пожаловать поминать, въ забвѣнне безпамятныхъ не учинить. Да князя Олексѣя Ивановича Воротынсково благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ. Да князь Петра Ивановича Пронсково благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ; да жену ево, княгиню Марью Михайловну, благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ. Да племянника своего, околничева, князь Семена Васильевича Празоровского, благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ. Да ему жъ вотчина моя, въ Московскомъ уѣзде, селцо Семчина, да пустошь Остроногова съ пустошми, да пустошь Семеновская, а Червицына тожь, съ пустошми, да половина слободки, которая отъ Семчина (sic) на большой Дмитровской дороге; а другая половина тое слободки, которая отъ Вельяминова, та отдати к Вельяминову. А что о той вотчинѣ, о Семеновскомъ, а о Черницынѣ тожь, била челомъ Государю игуменья Олексѣевского монастыря и называла тое вотчину мопастырскою, и за тое вотчину в Олексѣевской монастырь далъ братъ мой, князь Олександръ, блаженныя памяти, при Царе Федоре Ивановиче, на сменъ вотчину свою, въ Боровскомъ уѣзде, селцо Загряское съ пустошми. Да племяннику ж моему, князю Семену Васильевичу съ детьми дворъ мой Московской со всемъ. Да жену ево, княгиню Марью Семеновну, и детей ево благословляю по образу окладному. Да племянника своего,

князь Матвѣя Васильевича Прозоровскаго, благословляю образъ Пречистые Богородицы Казанскіе, обложенъ серебромъ; да ему жъ вотчина моя, в Звенигородцкомъ уѣзде, село Раево, да пустошь Покровское съ пустошми, и со всеми угоди. Да жену ево княгиню Настасью Федоровну, да дочь ихъ княжну Лукѣрью благословляю по образу окладному. Да князь Михайла Петровича Пронскова благословляю образъ Спасовъ, в кіоте, обложенъ серебромъ резью, прикладу, цата витая, а другая чеканвая, да два золотыхъ. Да жену ево, а свою племянницу, княгиню Овдотью Васильевну, благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ; да ей же даю вотчину свою в Володимерскомъ уѣзде, село Калитѣево, со всеми угоди. Да князь Ивана Никитича Хованскова благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, да ему жъ аргамакъ воронъ, да булова серебряна. Да князь Ивана Петровича Пронскова благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ. Да жену ево, княгиню Настасью Дмитриевну благословляю образъ Пречистые Богородицы, обложенъ серебромъ. Да племянницу свою, княгиню Ульяну Васильевну Троекурову, да княгиню Анну Григорьевну Урусову благословляю по образу окладному; да имъ же даю попаламъ вотчину свою въ Московскомъ уѣзде, село Навосилцова съ пустошми и со всеми угоди, а имъ пожаловать поминать князя Михаила Васильевича Скопина, и отца ево, князя Василья, и священнику, что служить у Архангела, в предѣле у Предтечи, гдѣ лежитъ тѣло князя Михайлова, и имъ давати тожъ, какъ я давалъ. Да отца своего духовнаго, Стрѣтенскаго протопопа Івана благословляю образъ Спасовъ, обложенъ серебромъ, да ему жъ сто рублевъ денегъ. Да князь Данилу Несвитцкова, да Ларіова Сумина, да Костентина Сытина благословляю по образу окладному; да имъ же дати изъ моего платья по платну. А досталныя мои вотчины: село Воскрѣсенское съ деревнями дать половину тое вотчины, что за рекою Вязмою, к тутошней церквѣ, к Воскресенію Христову, да к Пречистой Богородице, что поставлено надъ Кипреяномъ, да къ Николе Чюдотворцу; а другую половину тое вотчину, что по сю сторону реки Вязмы и отъ Суздаля, дать въ Суздаль, в дѣвичь в Покровской монастырь, по мнѣ и по родителямъ моихъ; а будетъ Государь не

пожалуетъ, не велитъ дати въ монастырь тое половины вотчины, и та половина вотчины выкупить племянникомъ моимъ, князь Семену, да князь Матвѣю Празоровскимъ. А о другой половине тое вотчины, что за рѣкою Вязмою, бити челомъ Государю, чтобы Государь пожаловалъ, тое половину от церкви не велелъ отнять, и имъ от церкви не выкупать. А вотчину мою селцо Ивановское дать в Суздаль, в соборъ, к Рождеству Пречистой Богородице, протопопу съ братьею, а не архіепискупу. А имъ, протопопу съ братьею, за то меня и родителей моихъ поминать вечнымъ поминкамъ; а на выкупъ родителемъ моимъ и никому тое вотчины из собору не выкупать. Да вотчина ж моя, в Юрьевскомъ уѣзде, селцо Железова, дать к Спасу, в Еуфимьевъ монастырь, что в Суздале. А будетъ Государь не пожалуетъ, не велитъ дать в монастырь, и та вотчина выкупить племянникомъ же моимъ. Да вотчина ж моя, в Московскомъ уѣзде, селцо Вельяминово, съ дворомъ моимъ, и съ мельницею, и съ хлѣбомъ, и со врестьяны, что есть въ Вельяминовѣ, и съ деревнею Марфиною, и половина слободки, на большой Дмитровской дороге, которая къ Вельяминовской сторонѣ, отдать въ Богоявленской монастырь, что за ветошнымъ рядомъ; а родителемъ моимъ и никому тое вотчины Вельяминова и Тапоровова, что дана имъ въ монастырь, при братѣ моимъ, князе Дмитреѣ Шуйскомъ, не выкупать, бытъ имъ обѣма за Богоявленскимъ монастыремъ. А другая половина слободки, на той же большой Дмитровской дороге, на Семчинской сторонѣ, и та половина къ Семчину. Да вотчина жъ моя, въ Переславскомъ уѣзде Залѣскова, селцо Семеновское, дать къ Троице, въ Сергіевъ монастырь, по Малютѣ Скуратове, и по ево жене, и по братѣ моимъ, по князе Дмитреѣ Ивановиче Шуйскомъ и по женѣ ево, княгине Катерине Григоревнѣ ¹⁾. Да вотчина жъ моя, въ Дмитровскомъ уѣзде, селцо Даниловское съ деревнями отдать въ Чюдовъ монастырь, по родителямъ моихъ, па Шуйскихъ, и по княгине Аграфенѣ Празоровской, а будетъ тое вотчины въ Чюдовъ монастырь Государь не пожалуетъ, и та вотчина выкупить изъ монастыря, по Государеву Уложению, племянникомъ же моимъ. А что есть моего платья муже-

---

¹⁾ Рожд. Скуратовой.

ска, и то платя племянникомъ моимъ, князю Семену съ детми, да князю Матвѣю Празоровскимъ, да князю Михайлу Пронскому. А что платя жены моей, княгини Марфы, лѣтники, и тѣлогрѣи, и шубки накладные, и опошень большой, и снуръ, что дѣлалъ я, и то платя дати князь Семеновымъ, да князь Матвѣевымъ детемъ, внязвямъ, да княгине Ульяне Троекурове, да князь Михайлове жене Пронсково, княгине Овдотье; да изъ товожь платя дать княгине Анне Урусове, что даведетца. А что было приданова платя и соженья жены моей княгине Марфы, и то все отдано матѣри ее, старице Елене Микифоровне Морозове. Да что есть моево наряду конскаго — седель и уздь, и всякого наряду, и то все племянникомъ моимъ, внязю Семену съ детми, да князь Матвѣю, да князю Михайлу. А досталные мои стоялые лошади и сабли оправные, съ каменьемъ, и полосы сабелные, и пищали, и суды (сосуды) серебряные прадать, а денги раздать по убогимъ монастырямъ. А поваренные суды, медные ватлы, и сковоротки, и противни, и блюда оловенные, и оловеники и врушеи, и сковородки бѣлые раздать въ убогіе ж монастыри. Да боярину князю Ондрѣю Васильевичу Хилкову отдати братина серебряная, да камка кufferъ жолтая, да шкатулка, что съ прянымъ зельемъ, да пятьдесятъ рублевъ денегъ. Да Васильеве жене Аргамакова отдать чарва серебряная, толста. А что у меня на ково были заемные памяти, въ долгахъ, и тѣ памяти прикащикомъ моимъ выдать безъденежно, и денегъ на тѣхъ людехъ по тѣмъ памятамъ не имать. А на самомъ на мнѣ долгу ничьево никаково нѣтъ. А будетъ хто моимъ безпаметствомъ после на меня долгъ свой скажетъ, и прикащикомъ моимъ, сыскавъ про то въ правду, и тотъ долгъ за меня платить. Да что у меня стоитъ рухлѣдь боярина, князь Володимерская Долгорукова и жены его, и тое рухлѣдь по росписемъ, и денги, что тое ж рухлѣди упрадано, прикащикомъ моимъ отдати боярину Борису Михайловичю, до окольничему Михаилу Михайловичю Салтыковымъ, да отцу моему духовному Стрѣтенскому протопопу Ивану. А людемъ моимъ дворовымъ, и служилымъ, и всякихъ чиновъ, после моево живота, дати воля; а жалованье имъ давать вдвое, хто что ималь пративъ книгъ. Да служивымъ же добрымъ людемъ дать по баню, а мелвимъ дать по

мерину; а робятомъ, которые жили въ комнотѣ, двумъ, Любимку, да Янкѣ дати по двадцати рублевъ, да по каню; а малому Петрункѣ дати десять рублевъ, да мерива, а малому Богдашкѣ Мишевскому дать пять рублевъ; да повору Литвину Храховскому дать двадцать рублевъ; да вдовамъ и мужнимъ женамъ служнимъ дати жалованье вдвоеж, которая что имала, а которые денежнава жалованья не имали, и тѣмъ давать по пяти рублевъ, а поварскимъ женамъ, и конюховымъ, и есывамъ работнымъ дали по три рубли; да дѣвочкѣ Литовкѣ, Каткѣ, дати надѣлку тридцать рублевъ, а надѣлокъ людемъ моимъ: денги и лошади даестъ послѣ сорочинъ. Да которые крестьяне привезены еъ подъ Московную мою вотчину изъ далнихъ моихъ деревень, и темъ крестьянемъ дати воля, тутъ ли станутъ жити, или на сторону пойдуть. А у сей духовной были прикѣщани мои: бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Черкасской, да околничей, князь Семень Васильевичъ Прозоровской, да князь Михайла Петровичъ Пронской, да отецъ мой духовной Стрѣтенской протопопъ Иванъ Михайловъ. А ра послухи Ісавъ Сафоновъ, да Евтифей Аристовъ, да Иванъ Ортемовъ. А духовную писалъ Ивановскіе площади подьячей Бориско Івазовъ, лѣтъ семь тысячъ сто четыредесать шестаго году, ваября двадесать во второй день.

На оборотѣ завѣщанія подписи: Къ сей духовной князь Иванъ Шуйской руку приложилъ. Къ сей духовной князь Иванъ Черваской руку приложилъ. Къ сей духовной князь Семень Прозоровской руку приложилъ. Къ сей духовной князь Михайло Пронскій руку приложилъ. Къ сей духовной Стрѣтинскій протопопъ Иванъ, по велѣнію сына своего духовнаго, боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго, руку приложилъ. Послухъ Ивашка руку приложилъ. Послухъ Евтишка руку приложилъ. Послухъ Ивашка руку приложилъ¹⁾.

* * *

Документъ этотъ открываетъ намъ свойство князя Ивана Ивановича Шуйскаго съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ. Оба они женаты на двухъ сестрахъ, дочеряхъ боярина

---

¹⁾ Духовн. завѣщ. И. И. Шуйскаго.—Арх. Гр. Шереметевыхъ, № 228.

Василія Петровича Морозова, одного изъ опредѣленныхъ недруговъ Царя Бориса Годунова, слѣдовательно они свояки.

О красавицѣ, женѣ князя Ивана Борисовича Черкаского, подробно упоминаетъ Олеарій:

Видно, князь И. И. Шуйскій очень близокъ къ князю Ивану Борисовичу, двоюродному брату и другу Царя Михаила, и на него болѣе всего надѣется. Ему же онъ завѣщаетъ и часть имущества. Одновременно видны близкія сношенія его съ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, который путемъ брака своего на княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской сблизился съ княземъ И. И. Шуйскимъ. Сестра посла, княгиня Аграфена Ивановна Прозоровская, мать князя Семена, слѣдовательно бабушка княжны Евдокіи Семеновны Черкаской.

Въ духовномъ завѣщаніи вовсе умалчивается о бывшемъ Царѣ Василіѣ. Въ 1635 г. (уже послѣ кончины Филарета) князь Ив. Ив. Шуйскій видимо хлопочетъ объ обезпеченіи своего имущества въ будущемъ.

Характерно и его видимое несочувствіе къ Архіепископу Суздальскому. Таковымъ былъ извѣстный Грекъ Арсеній М. Эласонскій, вѣкогда настоятель Архангельскаго Собора въ Москвѣ (составившій записки), который лично вѣнчалъ Розстригу, надъ гробомъ Царя Ивана. Это несочувствіе ссызаетъ въ словахъ завѣщанія: „А вотчину мою село Ивановское въ Соборъ Пречистыя Богородицы протопопу съ братьею, а не архіепископу“.

Черезъ Прозоровскихъ, князь Шуйскій сблизается съ княземъ Яковомъ Куденетовичемъ, который женится на княжнѣ Евдокіи Семеновнѣ Прозоровской — внукѣ кн. Ив. Ив. Шуйскаго, сестрѣ княгини Аграфены Ив. Прозоровской. Въ свою очередь онъ становится наслѣдникомъ имѣній князя Ивана Борисовича. Архивъ князей Черкасскихъ перешелъ къ Шереметевымъ, съ рукою Кн. Варвары Алексѣевны, и сохранился донинѣ.

„Милости ради благолѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистыя Его Богоматери честнаго и славнаго Ея Успенія и великихъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Чудотворцевъ въ домъ, въ Соловецкій Монастырь, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича

всаа Русіи стольникъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаской ¹⁾ далъ вкладомъ блаженныя памяти по бояринѣ, по князѣ Иванѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, во иноцехъ Іонѣ, вѣчнаго ради поминка, при игуменѣ Маркелѣ и при келарѣ старцѣ Никитѣ и при казначеѣ старцѣ Саввѣ и при соборныхъ старцахъ: при Митрофанѣ, при Ларіовѣ, при Лаврентіѣ, при Исаіи, при Прокопіѣ, при Іосафѣ, при Веньяминѣ и при всѣхъ соборныхъ старцахъ, еже о Христѣ братіи, девять надсвѣщниковъ, да серебра въ недодѣлку. А по вѣсу въ тѣхъ насвѣщникахъ, и въ серебрѣ 39 фунтовъ. Да оны же князь Яковъ Куденетовичъ въ тѣже надсвѣщники далъ денегъ 35 рублей да 23 золотыхъ, а въ дѣлѣ тѣхъ надсвѣщниковъ фунтъ серебра по 9 рублей и золотой по рублю. И всего того сго вкладу на четьреста на девять рублей. И намъ Соловецкаго Монастыря Игумену съ братією, или кто по насъ пный игумень и братія будутъ, за тотъ вкладъ за его князь Яковлева Куденетовича многолѣтное здравіе соборне и велейне молити Бога, а блаженныя памяти боярина князь Ивана Ивановича, во иноцехъ Іону, написать во всеневное вѣчно поминаніе въ синодикъ и въ литію и въ кормовыя книги, и душу его въ заупокойныхъ молитвахъ и повихидахъ и на литіяхъ и на святыхъ Божіихъ Литургіяхъ за просфиромисаніемъ поминати вѣчно и столъ по немъ на братію ставити по монастырскому чину и по уложенію, яко жъ и прочіихъ великихъ владчиковъ, дондеже Богъ благословитъ миру вселенней и святой сей Соловецкой обители стояти. Къ сей вкладной Соловецкаго Монастыря игумень Маркелъ съ братією печать монастырскую и руки свои приложили. Лѣта 7152 (1644) апрѣля въ 25 день“

На оборотѣ подписа игумена Маркела и старцевъ ²⁾.

Г. С. Ш.

---

¹⁾ Оны по женѣ ему ввукъ.

²⁾ Домашній Архивъ Гр. Шереметевыхъ. № 712

